

Кудряков Илья Олегович

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ СТРУКТУРАЦИИ Э. ГИДДЕНСА (НА ПРИМЕРЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА)

Статья посвящена исследованию донского казачества как социальной системы. В качестве методической базы выбрана теория структуризации Э. Гидденса. Изучено изменение системы социальных практик донского казачества в историческом периоде XVI-XX веков. Показано нелинейное изменение системообразующей социальной практики казачества - военной специализации. Рассмотрено влияние этого фактора на процесс системной интеграции казачества и российского государства, а также на проблемы возрождения современного казачества. В работе с точки зрения теории структуризации обсуждаются категории "этничности", "сословности", внутреннего социального расслоения и социальных ресурсов казачества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-2/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. С. 114-119. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
10. Ойзерман Т. И. Диалектический материализм и история философии. М., 1979. 312 с.
11. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: ИФ РАН; АО «КАМІІ», 1995. 245 с.
12. Холл К. С., Линдсей Г. Теории личности / пер. с англ. И. Б. Гриншпун. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 592 с.
13. Щавелёв С. П. Практическое знание // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 160-178.
14. Habermas J. Diskursethik – Notizen zu einem Begründungsprogramm // Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt a. M., 1983. S. 53-125.

INTENTIONAL AND REFLEXIVE PECULIARITIES OF LANGUAGE PRACTICE

Kostina Irina Borisovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State Pedagogical University
kib999@inbox.ru

In the article the interconditionality of the intentional and reflexive aspects of language practice in their correlation with the verbal and sensory-visual types of knowledge is considered. On the basis of the investigation of the symbolic function of consciousness the author shows that meanings are the results of the reflexive activity of the individual and they exist in the sign-symbolic form of rational knowledge, and values have the character of evidence conditioned by the number of individual efforts invested by the subject into practical action.

Key words and phrases: language practice; practical knowledge; meaning; value; reflexive activity; obviousness; intentionality; temporal unity of action.

УДК 316.3/4

Социологические науки

Статья посвящена исследованию донского казачества как социальной системы. В качестве методической базы выбрана теория структуризации Э. Гидденса. Изучено изменение системы социальных практик донского казачества в историческом периоде XVI-XX веков. Показано нелинейное изменение системообразующей социальной практики казачества – военной специализации. Рассмотрено влияние этого фактора на процесс системной интеграции казачества и российского государства, а также на проблемы возрождения современного казачества. В работе с точки зрения теории структуризации обсуждаются категории «этничности», «сословности», внутреннего социального расслоения и социальных ресурсов казачества.

Ключевые слова и фразы: теория структуризации; социальная система; ресурсы социальной системы; социальные практики; Донское казачество; социальная структура казачества; социально-исторический анализ.

Кудряков Илья Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет
kudryakov@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ СТРУКТУРАЦИИ Э. ГИДДЕНСА (НА ПРИМЕРЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА)

В отечественной социологической литературе последнего времени довольно часто можно встретить имя кембриджского профессора Энтони Гидденса. Он бывал в нашей стране, выступал на семинарах, публиковался в российских изданиях. Его теория структуризации весьма популярна в современной отечественной социологии, и посвященные ей работы расположены в широком спектре – от студенческих рефератов до докторских диссертаций. Вместе с тем, практически не встречается публикаций, где методический аппарат теории структуризации был бы положен в основу прикладных социологических исследований. Разумеется, красивая теория всегда интересна, хотя бы с эстетической точки зрения, но её научная ценность всегда будет воплощена в простом афоризме: «Нет ничего практичнее, чем хорошая теория».

В связи с этим применение некоторых положений теории структуризации к конкретному социологическому объекту – современному донскому казачеству, – выполненное в настоящей работе, актуально не только как исследование процесса «возрождения» казачества, что важно, например, для анализа и прогнозирования региональной социально-политической ситуации, но и как возможность практической реализации теории.

Постановка задачи в свете методических особенностей теории структуризации

Одним из главных достоинств теории структуризации является возможность рассматривать исследуемый социологический объект в развитии, в динамике. Для этого любой социологический анализ, по Гидденсу, должен выстраиваться вокруг центрального стержня – развития *социальных практик*. Этот подход лежит в основе фундаментальных понятий – социальной системы и социальной структуры. Система определяется Гидденсом как «выстраивание по определенному образцу через пространство и время социальных отношений, понимаемых

как воспроизводимые практики [5, с. 501]. А структура в понимании Гидденса – не состояние и не характеристика системы, а процесс: . . . изучать структурирование социальной системы означает изучать те пути, которыми эта система – в рамках применения общих правил и ресурсов и в контексте непреднамеренности результатов – производится и воспроизводится во взаимодействии [6, с. 62]. Процесс структурирования происходит в неразрывном единстве социальной структуры и социальных действий, которые соотносятся как две стороны одной и той же медали, поскольку социальные структуры создаются и могут существовать более или менее продолжительное время только благодаря социальным действиям. Наконец, говоря о скорости изменений всех процессов в современном обществе, Гидденс рассматривает не структурные или функциональные изменения, а *темпы изменений в социальных практиках*, образцах поведения людей [4, с. 274].

Таким образом, для прикладного использования теории структурирования необходимо подвергнуть анализу те *социальные практики* исследуемого объекта, которые наиболее рутинизированы, то есть устойчивы, упорядочены и транслируемы в течение достаточно продолжительного периода времени, поскольку, по Гидденсу, социальная практика не создается социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводится. Динамика изменения социальных практик исследуемой системы определяет развитие самой социальной системы. Именно практики, являясь интегрированным воплощением социальных действий акторов, институционализируются *в рамках правил и ресурсов системы* и формируют социальную структуру, которая, в свою очередь, инициирует новые социальные действия.

Это диалектическое единство структуры и действий представляет собой *механизм* развития социальной системы, включающий в качестве обязательного параметра и фактор времени. В прикладных социологических исследованиях такой подход обосновывает целесообразность и возможность анализа динамики социальной системы в историческом развитии и позволяет включить исторический процесс в качестве одного из аспектов социологического исследования.

Следует подчеркнуть, что речь идет не об исторической социологии, которая постепенно начинает формироваться как наука [1; 2], а только о методических основах использования исторического аспекта развития социальных практик в рамках теории структурирования.

В работах [10; 11] выполнен социологический анализ современного донского казачества. В них показаны проблемы процесса возрождения, связанные, в частности, с реализацией в современных условиях основной социальной практики казачества – воинской службы. Целью настоящего исследования является изучение социальных предпосылок и условий возрождения казачества в России. Его результаты помогут прояснить происхождение возникающих проблем и способствовать более целенаправленному выбору возможных траекторий в развитии этого процесса.

Исходя из представленных выше методических принципов теории структурирования, рассмотрим процесс социальной динамики донского казачества на фоне ретроспективного взгляда на его историю.

Социальные практики и ресурсы донского казачества

Донское казачество формировалось на неосвоенных пограничных территориях южных степей на протяжении XIV-XV вв. в период угасания Золотой Орды, когда московское государство и османская Турция ещё не набрали достаточной силы, чтобы подчинить эти районы. Пополняясь в основном за счет маргинальной части славянского генофонда – людьми, вынужденными покинуть свои социальные группы, – казачество на Дону сложилось в виде вольных демократических общин. Выживание в экстремальных условиях Дикого поля потребовало постоянного ведения военных действий оборонительного или грабительского характера [12]. Оптимальной организационной формой для решения этой задачи стали казачьи, военно-промысловые артели [9, с. 104]. Раннее донское казачество характеризуется высокой степенью социальной однородности, то есть отсутствием законодательно закреплённой социальной стратификации.

Единство территории проживания, автохтонные наследственно-родовые связи, трансляция во времени культурных особенностей и традиций, в том числе и языковых, придают донскому казачеству *этническое своеобразие*. Казачьи войска многих других регионов России, например, Кубанское, Терское, Уральское, Сибирское, Семиреченское и другие, искусственно сформированные государством значительно позже, не имеют и не могут иметь этнических черт.

В XVI – начале XVII в. сформировался ряд постоянных казачьих поселений (городков) на Верхнем и Нижнем Дону. В этот период донские казаки набрали значительную военную силу и стали привлекаться московским государством для участия в военных кампаниях (например, во взятии Казани Иваном Грозным в 1552 г.). За совместное участие в походах русского войска казаки получили ряд вольностей, а также стали получать и определенное, пока ещё нерегулярное, жалование деньгами, порохом, мукой и т.п.

В это время сформировались устойчивые институционализированные социальные практики донского казачества, которые в последующем историческом процессе постоянно воспроизводились в среде казачества и определяли его социальную структуру. Это – военная специализация (включающая систему подготовки боевых кадров), различные формы земледелия, институт православия, традиционное право, институт семьи.

Каждая из этих практик в казачьей среде специфична. Все они генетически связаны с вольной казачьей общиной, на протяжении всей казачьей истории существуют в неразрывном единстве и подвержены взаимовлиянию. Каждый исторический период придавал своеобразие процессу и каналам их трансляции. Однако их правила, ритуалы и атрибуция в ходе исторического процесса были подвержены видоизменению в разной степени.

Наибольшей универсальностью обладает институт православия, поскольку у всех этносов он базируется на единых канонах. Общие православные корни в большой степени способствовали единению донского

казачества с московским государством, проходившим под флагом многовековой непримиримой борьбы с иноверцами (главным образом, с исламскими Кавказом, Крымом и Турцией). В процессе социализации казачества в рамках российской государственности православие в среде донских казаков испытывало лишь организационные изменения, связанные с воцерковлением казачества в структуру РПЦ.

В целом, православие, казачье традиционное право и устои казачьей семьи определяют собой этническую составляющую донского казачества. По терминологии Гидденса их следует объединить как *авторитативный* (то есть нематериальный) ресурс казачества [5, с. 497]. Существенной особенностью донских казаков, выделяющей их на фоне всего российского казачества, является наличие территориального ресурса – *аллокативного*, по терминологии Гидденса (то есть материального). Донские казаки на протяжении всей своей истории обитали на собственной территории, и в этом смысле сейчас они являются коренным населением Верхнего и Нижнего Дона. Наличие территориального ресурса, с одной стороны, обеспечило казачеству земледельческую хозяйственно-экономическую ориентацию. С другой стороны, земельный вопрос стал важным социально-экономическим рычагом в руках государства для управления и манипулирования казачеством.

Структура большинства социальных институтов казачества в историческом процессе либо изменялась незначительно (как, например, православие в XVIII – начале XX в.), либо её изменения были вторичны, то есть происходили под влиянием динамики других социальных факторов. Наиболее специфичной *системообразующей* социальной практикой казачества безусловно является военная специализация казаков.

Эффективность военного ремесла казаков позволяла им принимать активнейшее участие во многих ключевых событиях российской истории. До середины XVII в. донское казачество, как по социальной структуре, так и по идеологии продолжало оставаться на уровне вольных общин. Однако в петровскую эпоху государство стало набирать имперскую мощь и мириться с казачьим своеволием было не намерено. Жестокое подавление булавинского восстания и подчинение казаков Военной коллегии в 1721 г. ознаменовали необратимость процесса социализации донских казаков в рамках российской государственности. Чтобы сохранить за собой территорию и свои этнические основы, они включились в процесс системной интеграции с государством. Ведущим фактором в этом процессе было казачье военное ремесло. С этого времени началось «государствление» казаков – превращение их в особое служилое сословие, в *профессиональных воинов-крестьян*.

Социальная динамика донского казачества в историческом процессе

Процесс системной интеграции донского казачества и государства, основанный на взаимовыгодном развёртывании и упорядочении основной социальной практики казачества – военной специализации, способствовал встраиванию казачества в российское социокультурное пространство и привел казаков к вершине социальной иерархии. Этому прежде всего способствовали введение военной иерархии в казачьи войсках (1775 г.) и включение казачьих чинов в таблицу о рангах (1798 г.). Оба эти решения способствовали формированию многочисленной прослойки донского казачьего дворянства. Процесс получил название *инкорпорирование донской старшины в российское дворянство*. Все дальнейшие действия российского самодержавия были направлены на углубление этого процесса.

Процесс имел и оборотную сторону. Став сословной ячейкой общества, казачество не могло избежать общероссийских процессов социальной поляризации. В целом в России социально-экономическое расслоение носило межсословный (классовый) характер. В среде же казачества сформировалось внутрисословное расслоение. К началу Первой мировой войны донское казачество было подвержено *глубокой внутренней социальной дифференциации* с большим имущественным разрывом между дворянской казачьей элитой и рядовыми служилыми казаками. Межсословные противоречия проявлялись на территории Войска Донского между казачеством и крестьянским населением (иногородними). Их причиной был земельный вопрос, поскольку права на землю были закреплены за казаками. Миграционные потоки крестьян на территорию Войска начались со времен появления казачьего дворянства, приняв широкомасштабный характер после либеральных реформ второй половины XIX в.

Таким образом, в эпоху Первой мировой войны и последующих российских социально-исторических потрясений донское казачество вступило, имея высокую степень внутреннего социально-экономического расслоения. Это стало основной причиной того, что в этот период ослабления государственности казачество не смогло самоорганизоваться на территории своего исторического проживания – Области Войска Донского.

С самого начала установления Советской власти большевики осуществляли политику полного классового переустройства общества. Их опорой стали пролетариат и беднейшее крестьянство, остальные сословия перестали существовать как социальные страты. Казачество, вместе с дворянством, купечеством и духовенством, попало под колесо этой политики. Но, в отличие от других имущих сословий, казачество не подверглось тотальной экспроприации, а стало в 1920-1930-х годах заложником противоречивой экономической политики нового советского государства. Его отношение к казачеству неоднократно менялось от беспощадных репрессий (1918-1922 гг.) и массовых антиказачьих акций (коллективизация 1927 г.) до полной реабилитации (1925 г.) и поддержки (кампания за советское казачество 1936 г.).

После Великой отечественной войны казачьи кавалерийские соединения находились в составе советских вооруженных сил вплоть до начала 1950-х годов. В военные и послевоенные годы в них постепенно даже стали возрождаться воинские традиции казачества, например, целевой призыв новобранцев из прикрепленных к определенной военной части казачьих станиц. Однако в ходе реформы по перевооружению и сокращению советской армии, начатой в 1953 г., кавалерия была признана устаревшим родом войск, и казачьи соединения были расформированы. Это повлекло за собой и упразднение большинства коневодческих хозяйств.

В дальнейшем, с конца 1950-х годов, с ориентацией партийно-государственного руководства на воспитание нового советского человека казаки стали рассматриваться прежде всего как граждане социалистического государства, а казачество было растворено в массе советского народа. В глазах властей казачество потеряло социально-политическое значение, и ему было отведено место музейно-этнографической архаической особенности региона.

Не вдаваясь в историческую детализацию, которую можно найти в многочисленной исторической литературе о казачестве, весь процесс социально-исторической динамики донского казачества можно представить в виде диаграммы, показанной на рисунке.

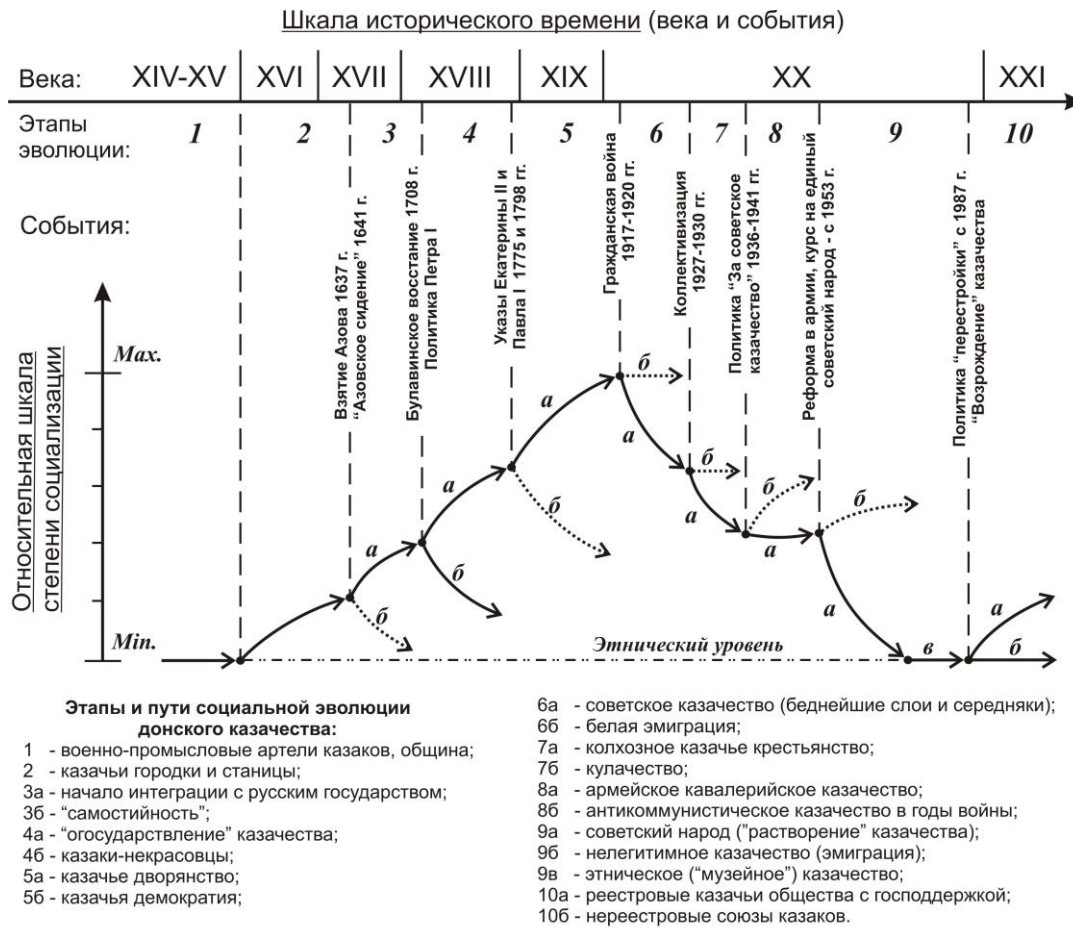

Рисунок 1. Бифуркационная диаграмма социально-исторической динамики донского казачества

Диаграмма характеризует степень социализации казачества в рамках системной интеграции с государством на основе системообразующей социальной практики казаков – военного ремесла. На диаграмме приведены только те моменты казачьей истории, которые вызывали изменение социального статуса казачества и, в то же время, имели альтернативный путь развития. Не каждый из указанных альтернативных вариантов мог быть реализован в конкретных исторических условиях казачеством в целом. Такие *возможные* пути показаны на диаграмме пунктирными линиями. Уровень минимальной социализации казачества (min) соответствует на диаграмме уровню этничности, характеризующему единство территории проживания, религии, быта. С этничностью связаны соответствующие социальные практики казачества (см. выше). Для эпохи российской империи характерным является то, что альтернативные пути социальной эволюции казачества были направлены в сторону деградации социальной статусности, то есть в сторону этничности. Причем, один из таких путей был реализован на практике казаками-некрасовцами [7]. В советский же период альтернативные пути эволюции были направлены в сторону социальной обособленности казачества, то есть в сторону сохранения дореволюционного сословного статуса, а реальные пути эволюции вели казачество к социальной диссоциации.

С точки зрения теории структуризации, основные (жирные) линии диаграммы представляют собой собственно процесс структуризации донского казачества. С точки зрения системного анализа и синергетики, каждая точка бифуркации (раздвоения) ведет либо к формированию структуры (упорядоченности) – основные линии, либо к хаотической динамике системы – пунктирные линии. Анализ диаграммы может быть углублен, например, путем использования бифуркационного анализа точек разветвления процесса, что может выявить множественность (а не бинарность) вариантов социального развития казачества. Однако это не входит в задачи настоящего исследования.

Таким образом, по теории Гидденса, к середине 50-х годов XX в. донское казачество прекратило своё существование как социальная система, поскольку основные социальные практики, устойчивые и транслируемые от поколения к поколению на протяжении нескольких сотен лет, окончательно перестали воспроизводиться

казачеством. Военное ремесло казаков, выступавшее в XVII-XIX вв. в качестве основной системообразующей социальной практики, утратило свою актуальность с внедрением достижений научно-технического прогресса в армию и с развитием военно-промышленного комплекса в СССР. Вместе с ним была утрачена и уникальная система подготовки будущих казаков-воинов. Еще раньше (1920-1930-е годы) были уничтожены механизмы воспроизводства и каналы массовой трансляции другой важной социальной практики – православной духовной традиции. Произошло насильственное разрушение всей структуры церковной православной обрядности, составлявшей духовную основу казачества и во многом определявшей его этническую идентичность. В политической структуре Советского государства не было места и для третьей важной социальной практики казачества, характеризуемой термином «традиционное право», которое объединяет: демократические механизмы местного казачьего самоуправления; соответствие правовых норм нравственным идеалам казаков; нормативное регулирование отношений не между лицами, а между родами или семьями; обрядовый характер судопроизводства и другие особенности. Наконец, институт казачьей семьи, традиционные нормы которого имели негосударственное происхождение, были выработаны в общине и исторически были ориентированы на процесс «переживания службы казака» [3], не вписывался в реализуемую советским руководством коммунистическую программу «воспитания нового советского человека». Сохранившиеся *культурные* практики казачества были вытеснены на хуторской и станичный уровни. Религиозный опыт, фольклор, традиционные праздники и т.п. поддерживались в казачьей среде преимущественно женщинами и представителями старших поколений, которые вступают здесь как главные хранители «этнической» идентичности. По выражению С. А. Кислицына, началось «растворение казачества», которому способствовал и объективный процесс массовых миграций населения, а также отсутствие государственной политики в отношении казачества [8].

Основные выводы: современные проблемы казачества

В соответствии с теорией структуризации, казачество представляет собой *социальную систему* в том случае, если оно постоянно воспроизводит некоторый набор социальных практик. Эти практики должны обладать специфичностью, то есть быть характерны именно для этой социальной системы. Социальная система может входить в состав более крупной интерсоциетальной системы (ИСС), как это было с казачеством в эпоху российской империи. ИСС создает и воспроизводит свой набор социальных практик. Практики, принадлежащие входящим в неё системам, ИСС может корректировать, упорядочивать, но воспроизводятся эти практики только акторами той социальной системы, которой они принадлежат.

Когда казачество в середине 1950-х годов лишилось практически всех каналов, механизмов и, главное, потребности воспроизводства своих социальных практик, оно, по Гидденсу, перестало быть социальной системой, утратило свою «социальность», перешло на уровень «этнической» идентичности. Казаки при этом никуда не исчезли, но они стали акторами не собственной социальной системы казачества, а социалистической ИСС и принимали участие в реализации советских социальных практик.

Как показали дальнейшие события, связанные с началом возрождения казачества на волне демократических перемен 1989-1991 гг., «растворение казачества» в целом не стало необратимым процессом. Достаточно быстро в регионах традиционного проживания казаков возникли многочисленные казачьи общества и союзы. Они не стремились к объединению, расходясь в своём отношении к истории казачества, к его социальному статусу, к земле, к собственности, к местному самоуправлению, к взаимодействию с государством и др. Эта ситуация говорит о том, что возрождаемое казачество унаследовало главную проблему казачества начала XX в. – социально-политическое расслоение, которое в настоящее время отражено не в социальной или имущественной иерархии казачества, а в плюрализме взглядов. Другая важная проблема казачества заключается в недостаточном понимании того, что показал выполненный нами анализ. А именно: для возрождения казачества как более или менее независимой социальной системы, к чему интуитивно стремятся все казаки, необходимо, прежде всего, восстановление воспроизводимых социальных практик, а не возрождение принципов военной корпорации. Тем более что реставрация казачьего сословия с его привилегиями в современных условиях объективно невозможна.

В последние годы на Дону казачеством предпринимаются шаги для продвижения в этом направлении. В частности, казаки стремятся заполнить социальную нишу, образовавшуюся после серии упразднений военных учебных заведений, создав в Ростовской области систему непрерывного казачьего образования. Тем самым делается попытка воспроизводства квалифицированных казачьих кадров. Эта социальная практика устойчиво развивается в направлении интеграции казачества с государством, которое обеспечивает финансовую поддержку казачьего образования. Также приобретает устойчивый характер практика мемориализации – создание памятников, монументов, мемориалов, посвященных исторической памяти казачества. Эта практика реализует важную идеологическую функцию – закрепляет в массовом сознании ту или иную версию истории, а также исторические права на определенные территории. Однако вопрос о современном состоянии донского казачества как социальной системы выходит за рамки настоящей работы и требует отдельного исследования.

Список литературы

1. Алстед Я. Историческая социология – зачем и как? // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 122-128.
2. Бобров М. Я. Историческая социология, ее предмет и метод исследования // Известия Алтайского государственного университета. 1999. № 2 (12). С. 143-154.
3. Власкина Т. Ю. Казачья жена: прагматика брака и супружеские отношения по материалам личного происхождения (1900-1924 гг.) // Казачество России: прошлое и настоящее: сборник научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. Вып. 3. С. 119-135.

4. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. 343 с.
5. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуриации. М.: Академический проспект, 2005. 528 с.
6. Гидденс Э. Г. Элементы теории структуриации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. С. 40-73.
7. Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сборник научных статей. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 456 с.
8. Кислицын С. А. Государство и казачество: сотрудничество и конфронтация // Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. статей. Ростов-на-Дону, 1996. Ч. 1. С. 17-18.
9. Ключевский В. О. Сочинения: в 8-ми т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. 424 с.
10. Козловский В. В., Кудряков И. О. Факторы и тенденции развития донского казачества // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 45-49.
11. Кудряков И. О. Состояние и перспективы современного донского казачества как социальной системы // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 89-97.
12. Рыблова М. А. Проблема сохранения и воспроизводства культурного наследия российского казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 185-188.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF STRUCTURATION THEORY OF A. GIDDENS (BY THE EXAMPLE OF THE DON COSSACKS)

Kudryakov Ilya Olegovich
Saint Petersburg State University
kudryakov@mail.ru

The article is devoted to the research of the Don Cossacks as a social system. The structuration theory of A. Giddens is chosen as a methodological framework. The change of the social practices system of the Don Cossacks in the historical period of XVI-XX centuries is studied. The nonlinear change in the system-forming social practice of the Cossacks – military specialization – is shown. The influence of this factor on the process of the system integration of the Cossacks and the Russian state, as well as on the challenges of the modern revival of the Cossacks is considered. The paper discusses the categories of the “ethnicity”, “class”, internal social stratification and social resources of the Cossacks in terms of structuration theory.

Key words and phrases: structuration theory; social system; resources of social system; social practices; the Don Cossacks; social structure of the Cossacks; social-historical analysis.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются вопросы развития промысловых занятий в Якутии по материалам сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. К промысловым занятиям программой переписи были отнесены звероводство, рыболовство, добыча золота, извоз. На основе архивных и опубликованных материалов анализируется развитие каждой из этих отраслей, состав населения, занимавшегося промыслами, определяются факторы, обусловившие развитие промыслов в изучаемом регионе.

Ключевые слова и фразы: перепись населения; подворные карточки; промыслы; звероводство; рыболовство; извоз.

Курчатова Тамара Тимофеевна, к.и.н., доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Kurchatova@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1917 Г. О РАЗВИТИИ ПРОМЫСЛОВЫХ ЗАНЯТИЙ В ЯКУТИИ[©]

Исконной деятельностью коренных народов Севера является охота и рыболовство. Приход на территорию современной Якутии народа саха, который занимался скотоводством, изменил ситуацию: для большей части населения Якутии в качестве основного вида деятельности стало выступать разведение крупного рогатого скота и лошадей. С установлением российской государственности на территории Якутии хозяйственный строй коренных народов Якутии еще больше изменился: все больше якутов и некоторая часть других народов начинают заниматься земледелием. Организация почтовых трактов, развитие транспортной связи способствовали появлению элементов товарно-денежных отношений. Хозяйственная ситуация в Якутии особо изменилась в конце XIX – начале XX века, когда в регионе быстрыми темпами начинают развиваться Ленские и Витимские золотоносные прииски. Якутская область включилась в рыночные отношения. Так появление новых видов деятельности оказало определенное влияние на социально-экономическое развитие региона, но тем не менее основными видами деятельности населения Якутии оставались скотоводство и земледелие.